

УДК 347.42

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ УБЫТКОВ Causation as an Element of Civil Structure of Damages

ЛИПЕНЬ Илья Михайлович – юрист-лицензиат
(Минск, Республика Беларусь)

Lipen Ilya M. – Licensed Lawyer (Minsk, Republic
of Belarus)

ilya_lipen@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме причинной связи в гражданском праве. Анализируя близкие по содержанию положения гражданского законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, автор приходит к выводу, что причинная связь является условием договорной ответственности и элементом гражданско-правовой конструкции убытков одновременно. Несмотря на то что ни законодательство, ни правоприменительная практика в Белоруссии и России не требуют от исследователя жесткого обособления того или иного аспекта причинной связи, автор доказывает целесообразность выделения последнего (причинная связь как элемент гражданско-правовой конструкции убытков).*

The article deals with the problem of causal nexus in the civil law. Based on analysis of respective regulations similar in their contents in both Russian and Belarusian civil law, the author comes to conclusion that casual nexus is both a condition of contractual liability and an element of civil structure of damages at the same time. Emphasizing the fact that neither legislation nor judicial enforcement require a researcher to make a strict separation between these aspects both in Belarus and Russia, the author argues that accentuation of one of the above aspects (namely, casual nexus as an element of civil structure of damages) does have its own significance.

Ключевые слова: причинная связь в гражданском праве, убытки.
Causal nexus in the civil law, damages.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-1-29-32

В научных юридических кругах давно бытует мнение, что «учение о сущности каузального есть один из труднейших вопросов права – уголовного и гражданского» [4, с. 60].

Как высказывается немецкий правовед Рюемлин, «большинство юристов охватывает тихий ужас, когда они в заголовке книги или статьи встречают проблему каузальности» [5, S. 11].

Чтобы осветить проблему причинной связи в гражданском праве на серьезном теоретическом уровне, нам необходимо по меньшей мере посвятить этому значительное по объему и кругу затрагиваемых вопросов исследование. Понятно, что в рамках статьи мы не могли ставить перед собой столь масштабную задачу, поэтому все внимание уделили рассмотрению вопроса, который в цивилистической литературе обычно остается за кадром.

Речь будет идти о причинной связи как элементе гражданско-правовой конструкции убытков (по законодательствам Республики Беларусь и Российской Федерации).

Как известно, гражданские законодательства этих двух стран прямо указывают на необходимость наличия причинной связи между убытками и нарушением обязательства. Согласно п. 1 ст. 364 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Беларуси) и п. 1 ст. 393 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Отсюда можно сделать вывод, что причинная связь является обязательным условием договорной ответственности в форме возмещения убытков.

В то же время законодательства обеих стран традиционно формулируют самое понятие «убытки» как вызываемые неправомерным поведением отрицательные последствия в имущественной сфере потерпевшего.

Вот формула закона: «Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)» (п. 2 ст. 14 ГК Беларуси; п. 2 ст. 15 ГК РФ). По смыслу этих статей неблагоприятные последствия в имущественной сфере потерпевшего, не находящиеся в причинной связи с неправомерным поведением, убытками в правовом понимании не являются.

Таким образом, чтобы имущественные потери, понимаемые как убытки в экономическом

смысле, можно было взыскать с контрагента, они должны реально существовать и как убытки в правовом смысле, т. е. должны быть вызваны неправомерным поведением. Отсюда следует, что убытки как условие договорной ответственности считаются доказанными, если судом установлено наличие следующих конструктивных элементов этого правового понятия:

- убытков в экономическом смысле;
- неправомерного поведения обязанного лица;
- причинной связи между неправомерным поведением обязанного лица и убытками в экономическом смысле, возникшими в имущественной сфере лица, чье право нарушено.

В приведенной триаде элементов правовой конструкции убытков причинная связь играет роль среднего (связующего) звена, при отсутствии которого остальные звенья цепи оказываются оторванными друг от друга, а потому и не имеющими доказательного значения для установления судом факта наличия убытков.

Необходимость доказывания причинной связи как элемента правовой конструкции убытков особенно остро проявляется на практике при взыскании упущенной выгоды. Это и понятно: факт наличия упущенной выгоды будет налицо лишь в одном случае: если истец сможет доказать, что он мог и должен был получить определенные доходы и только нарушение обязательств ответчиком стало единственной причиной, лишившей его возможности получить прибыль от реализации товаров (работ, услуг).

В сравнительно-правовом аспекте вызывает интерес законодательная дефиниция упущенной выгоды из Германского гражданского уложения (далее – ГГУ), которая не просто выделяет причинную связь в качестве конструктивного элемента данного вида убытков, но и несет на себе отпечаток одной достаточно известной теории причинной связи, пользующейся широким признанием в судебной практике Германии. «Неполученной считается выгода, которую с известной долей вероятности можно было бы ожидать в соответствии с обычным ходом вещей или сообразно с особыми обстоятельствами, в частности в связи со специально принятыми мерами и приготовлениями (§ 252 ГГУ)» [1, с. 332].

Приведенная законодательная формулировка упущенной выгоды обращает на себя внимание упоминанием в ней такого термина, как «обычный ход вещей» – центрального понятия в теории адекватной причинной связи.

Согласно положениям данной теории для вывода о наличии в каждом конкретном случае причинно-следственной связи имеют значение лишь типичные закономерности. Это означает, что «одно явление признается причиной другого, “адекватного” ему, если, будучи одним из необходимых условий возникновения этого другого, оно “повышает вероятность” его наступления и если такое соотношение является “типичным”» [2, с. 60]. Явление, которое не является типичным (повторяющимся), или, иначе говоря, адекватным, не образует причинную связь с наступившим результатом. При этом адекватным признается лишь такое явление, которое способно повлечь наступление определенного последствия вообще, а не только в данном случае. Иначе говоря, «выясняется не то, могло ли данное условие при данных конкретных обстоятельствах повлечь за собой определенный результат, а то, может ли вообще такое явление в соответствии с общим опытным знанием человечества вызвать подобного рода результат» [3, с. 54].

Применительно к упущенной выгоде сказанное означает следующее.

В соответствии с § 252 ГГУ возмещению подлежит только такая упущенная выгода, которая находится в адекватной причинной связи с действием, вызвавшим ущерб. Другими словами, по немецкому законодательству потерпевшая сторона имеет право претендовать на возмещение только такой упущенной выгоды, возникновение которой обусловлено действием, которое всегда в обычных условиях ведет к наступлению такого рода убытков.

Но вернемся к реалиям правовой действительности рассматриваемых нами стран и подведем краткий итог нашим рассуждениям.

Причинная связь есть условие договорной ответственности и элемент гражданско-правовой конструкции убытков одновременно. Ни законодательство, ни правоприменительная практика в Беларуси и России не требуют жесткого обособления того или другого аспекта. Однако выделение причинной связи именно как элемента гражданско-правовой конструкции убытков имеет смысл и в практическом плане может обнаруживать себя в нескольких направлениях.

В первую очередь анализируемый аспект причинной связи может служить ориентиром судебной практике.

Не секрет, что при разрешении конкретных споров суды, рассматривая имущественные по-

тери истца в качестве убытков, нередко вообще не обременяют себя установлением причинной связи, ошибочно полагая, что данное условие ответственности считается автоматически доказанным, коль скоро истец доказал цепочку «нарушение обязательства – имущественные потери». Противоположная установка судов – на изначальное непризнание имущественных потерь истца в качестве убытков – позволяет по-другому оценивать ситуацию, когда вначале должник нарушает обязательство, а впоследствии кредитор несет некие безэквивалентные расходы (теряет некую имущественную выгоду). В этом случае у судов возникает ясное понимание того, что такая ситуация автоматически не ведет к возникновению убытков в смысле ст. 14 ГК Беларуси (ст. 15 ГК РФ) и в каждом конкретном случае необходимо выяснять наличие причинно-следственной связи между двумя указанными обстоятельствами.

Наконец, рассматриваемый аспект причинной связи может служить аргументом в пользу ревизии редакции п. 1 ст. 364 ГК Беларуси (п. 1 ст. 393 ГК РФ) в плане иной расстановки акцентов.

Как представляется, норма указанных статей должна давать установку не на необходимость установления причинной связи как таковой между убытками и нарушением должником обязательства (причинная связь по определению есть конструктивный элемент правового понятия «убытки»), а на определение границ последствий, на которые распространяется ответственность лица, допустившего нарушение обязательства. Речь идет о важном правиле регулирования возмещения убытков, нацеленном на ограничение возмещаемого ущерба тем объемом, который является предвидимым.

Не вдаваясь в подробное изложение сути данного правила (что требует отдельного рассмотрения этого вопроса), ограничимся констатацией того, что оно уже давно получило признание как в актах международного частного права, так и в законодательствах ряда экономически развитых стран. Мы полагаем, что норма, учитывающая высказанное нами замечание, могла бы иметь следующий вид:

«Должник обязан возместить кредитору причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства убытки, которые он предвидел или должен был разумно предвидеть в момент заключения договора».

Итак, анализ соответствующих нормативно-правовых баз Беларуси и России свидетельствует: установление причинной связи как условия договорной ответственности есть одновременно установление самого факта существования убытков в имущественной сфере кредитора.

Библиографический список

1. Нам, К. В. Убытки и неустойка как формы договорной ответственности / К. В. Нам // Акт. проблемы гражд. права : сб. ст. – Вып. 1 (1999). – М. : Статут, 1999. – С. 330–379.
2. Флейшиц, Е. А. Курс советского гражданского права. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения / Е. А. Флейшиц. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – 240 с.
3. Церетели, Т. В. Причинная связь в уголовном праве / Т. В. Церетели. – М. : Госюриздат, 1963. – 382 с.
4. Яблочков, Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков : в 2 т. / Т. М. Яблочков, прив.-доц. Демид. юрид. лица. – Ярославль : Тип. Губ. правл., 1910. – Часть теоретическая. Т. 1. – 471 с. – (Временник Демид. юрид. лица).
5. Rümelin, M. Die Verwendung der Kausalbegriff im Straf- und Civilrecht / M. Rümelin. – Tübingen : Mohr, 1900. – 174 S.